

НИГИНА СУЛАЙМАНИ

МЕДУЗА, которая умерла

ИСТОРИЯ КРИЗИСА, ПЕРЕРОЖДЕНИЯ И ОБРЕТЕНИЯ
Н О В Ы Х С М Ы С Л О В

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Оформление обложки *Екатерины Золотаревой*

Сулаймани, Нигина Акобиршоевна.

С89 Медуза, которая умерла / Нигина Сулаймани. — Москва : Сулаймани Н., 2026. — 232 с.

ISBN 978-5-600-05534-6

Айла — одна из тех женщин, которые держат мир на своих хрупких плечах и делают вид, что им совсем не тяжело.

Одной рукой она управляет своим успешным бизнесом и судьбами десятков людей, второй спасает заблудшие души, будучи знаменитым психологом. Карьера, дом, одинокое материнство — она контролирует все, успевает все и никогда не ломается. Весь ее мир держится на нечеловеческой выносливости и грузе ответственности, который она тащит в одиночку. Все работает как часы.

История одного падения рушит ее выстроенную реальность. Оказавшись на грани жизни и смерти, Айла понимает, что единственный человек, которого она забыла спасти, — это она сама.

В поисках новых смыслов Айла отправляется в Индию: в высокогорную клинику, где, помимо тишины, медитаций, голодания и прогулок по горным тропам, ее ждет серия очень неожиданных встреч. Памела из Мадрида, Лючия из Нью-Йорка, Ситдха из Мумбаи — каждая вносит свой вклад в исцеление Айлы, становится проводником новых смыслов и ответов.

Возвращение в Москву — к советам директоров, туфлям Jimmy Choo и прежним ролям — станет проверкой: можно ли вернуться в старую жизнь новым человеком? А главное — была ли в этой идеальной картинке жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-05534-6

© Нигина Сулаймани, текст, 2026
© Екатерина Золотарева, обложка, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Оглавление

От автора	7
---------------------	---

Часть 1

1.	10
2.	20
3.	28
4.	36
5.	42
6.	45
7.	49
8.	54
9.	60
10	64
11	68
12	74
13	85

Часть 2

1.	94
2.	97
3.	100
4.	109
5.	114
6.	118

7.	123
8.	126
9.	131
10.	135
11.	142
12.	146
13.	149
14.	154
15.	158
16.	160
17.	164
18.	166
19.	171
20.	175
21.	178
22.	183
23.	189

Часть 3

1.	194
2.	197
3.	199
4.	203
5.	208
6.	211
7.	214
8.	218
9.	221
10.	226

ОТ АВТОРА

Дорогой мой читатель!

Пишу тебе с далеких, прекрасных, загадочных, покрытых дымкой, зачарованных, сдобренных снегом гор Индии, Гималаев.

Ветер раздувает мои растрепанные волосы, аромат кокосового масла прочно впитался в кожу, на лбу красуется тика, пятая медитация за день позади.

Именно здесь началась эта загадочная, полная сюрпризов и сложных разворотов история, и сюда же я вернулась ее завершить.

Ты держишь в руках мой первый роман, в котором главная героиня Айла проходит непростой путь и вообще живет нелегкую судьбу яркой и успешной женщины. Проживает смерть наяву и последующее перерождение, теряет смыслы и ищет новые, падает и поднимается.

Огонек этой книги загорелся на пепелище моей израненной души, и тот путь, танец на сколках былой славы и красоты, который проходит моя героиня, что уж говорить, очень похож на мой личный.

Тема кризиса, перерождения, горевания, бессилия, отчаяния и поиска новых смыслов — центральная в этой книге. Если тебе кажется, что ты в темном месте и так, как было, уже не ра-

ботает, а как будет работать — нет ни одной идеи, то она точно для тебя.

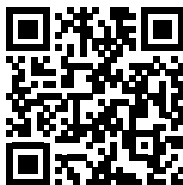
Первая часть кажется мне нудноватой, но без анамнеза в нашем деле никуда, поэтому она есть основа того, что раскроется дальше; вторая — моя любимая, там много исцеления; а третья — с ответами, которые, верю, пригодятся и тебе.

Я благодарю Бога, что жива, и теперь точно знаю, как это — умирать и рождаться вновь, что такое кризис и потеря смыслов и что у всего есть «год спустя».

Я искренне верю, что эта книга попадет в руки тому, кому должна попасть, и ответы придут так же, как и книга.

Пусть будет во благо. НАМАСТЕ!

Познакомиться со мной поближе
можно в моем Телеграм-канале:

ЧАСТЬ 1

Я открыла глаза и через несколько секунд, которые мне потребовались, чтобы вращающаяся, мутная, дребезжащая реальность соединилась в набор внятных фигур, помимо резкой, очень странной, пульсирующей боли в районе виска, которая, по правде говоря, помогала оставаться в сознании, с большим удивлением и неменьшим непониманием обнаружила себя лежащей на холодном гладком деревянном полу гостиной, между громоздким обеденным столом и мраморным, натертым до блеска камином.

Ох, как много видели стены этого дома. Каждый сантиметр пространства вмещал тысячи историй обо мне, моих детях, моих близких, слышал сотни часов смеха, соединял несколько томов написанных жизнью произведений о любви и не совсем о ней, впитал литры пролитых слез. Здесь переплетались судьбы и случались истории, мои дети, в конце концов, выросли здесь, ползая по тому самому полу, по которому теперь ползла я.

Много лет назад, когда путем мошеннических действий горе-дизайнера, которую я, как и полагается в плохом сценарии, знала лично немало лет и которой доверяла без слов, я обнаружила квартиру брошенной и разграбленной на этапе демонтажа. В окне возможностей, мелькнувшем между дву-

мя командировками, от легкого косметического ремонта мы плавно перешли к капитальному. Помимо нервных клеток, несметного количества средств, которые необходимо было генерить буквально как антилопа с золотыми копытцами из советского мультфильма, и помимо веры в нашу былую дружбу и в то, что своим можно доверять, мне пришлось проститься с несколькими архитекторами подряд, чтобы эта часть квартиры состоялась именно такой, какой ее видела я. По их мнению — абсолютно неправильной, несимметричной. И, что самое страшное, — линии, линии были не те.

Гостиная, смотрящая в мир через десять широких окон, представляла собой большое, светлое, наполненное воздухом и объемом пространство, разделенное на три зоны — три сценария бытия в одном месте. Лупоглазая и неидеальная, она соединяла и аскетичное прямоугольное мраморное поле девственной кухни с единственным активным углом — барной стойкой; обеденную зону с массивным столом для так любимых мною ужинов с друзьями, а чаще — с детьми и друзьями детей по воскресеньям; и круглую зону с мягкой мебелью, над которой под самым потолком в виде плоского хрустально-металлического цветка распустила лепестки люстра, эскиз которой я нарисовала сама, после того как окончательно потеряла надежду найти подходящую. Центром всей композиции был величественный камин, появление которого тоже было тем еще приключением, стоило мне пары лет жизни и немалого количества седых волос. Мраморный слэб, купленный сильно заранее на обдуваемом ледяным ветром складе в паре часов езды от Москвы, весом четыреста пятьдесят килограммов, не смогли ни поднять по лестнице, ни внести через окна, а когда все-таки придумали, как с этой задачей справиться, вдруг поняли, что в случае монтажа мы все разом окажемся

у соседей снизу, потому как укрепляющую конструкцию для такого весомого арт-объекта просто забыли установить. Сушая малость, не правда ли? Но все муки и страдания, отточенные навыки давления и управления, найденные архитектурные, строительные и коммуникационные решения того стоили. Камин занял свое почетное место, завершив творческие потуги моей креативности. Бежевый сляб с коричневыми и голубыми прожилками украшал его фасад. Он был прекрасен. Но, при всей моей любви к нему, ни тогда, ни сейчас я точно не планировала рассматривать его, лежа на полу.

Пытаясь встать и доползти до более подходящего для сна места, вытереть нечто липкое, склеивающее меня с полом, я, ощущая надвигающуюся волну тревоги и сильное головокружение, с пересохшими губами и ртом, мучительно перебирала в голове мысли, отдающие легким привкусом безнадёги.

«Неужели я уснула на полу в гостиной? И что я вообще делаю ночью на полу? Может, я решила помедитировать лежа? Или лежала в шавасане? Но тогда где коврик для йоги? Почему в таком странном месте и в такое сомнительное время? А может, я вообще провалилась в преисподнюю? И все это фантомные образы и, кроме ангелов смерти, уже никого не стоит ждать? Азраил, ты ли это?»

Мои бурные размышления прервались колющей болью в области виска. Казалось, что-то горячее разливается по лицу, обжигая все большую и большую поверхность кожи, и источник этой свежеизвергнувшейся лавы находится в районе правого глаза. Еще через несколько секунд, как мне тогда казалось — окончательно придя в себя и сделав серию глубоких вдохов, я решилась потрогать это горящее, подпекающее нечто и, преодолевая отрицание, стоящее комом в горле, поняла, что по лицу течет кровь.

Мне стало страшно. Тревога, минуя все этапы нарастания, быстро обратилась в ужас. Кровь из века, из носа? Из губы? Кровь отовсюду? Я на полу ночью — как это возможно? Что, черт возьми, случилось?!

Сделав пару робких безуспешных попыток встать и приняв очевидное — сейчас это не представляется возможным, — я поползла в сторону спальни. В ходе ментальных следственных действий я установила: очень похоже, что дорога моя вела именно из спальни на кухню, наверняка за водой, и, видимо в пикировании, я встретилась с углом мраморной консоли, на которой всегда стояли, а теперь лежали сложившиеся от нашей стремительной встречи рамки с милейшими фотографиями горячо мной любимых детей.

Обескураженная ночными приключениями, полная ужаса, я все-таки смогла подняться и на ватных дрожащих ногах подошла к зеркалу, чтобы оценить масштаб бедствия. Я включила свет, и в красивом, идеально исполненном зеркале холла передо мной предстала испуганная, бледная, растрепанная молодая женщина с коричнево-фиолетовыми синяками под глазами, синими губами и рассеченным правым веком, из которого решительно рвалась наружу струйка за струйкой теплая алая кровь.

Боже, это правда я? Вроде я все вижу? Или не вижу? Пострадал глаз или мне кажется? Почему так болят зубы? Как я докатилась до жизни такой? Который час? Через сколько мне нужно будить детей в школу и собираться на работу? Сколько времени у меня есть, чтобы сесть и просто порыдать? Ведь я правда не знаю, что с этим всем делать.

Ужас, скользящий кубиком льда по замерзающему и замирающему телу, прекрасно контрастировал с моим горящим и динамично отекающим лицом. Кровь рекой протекала

по щеке, соединяясь со струйкой вновь открывшейся раны на губе, быстро минуя шею, и находила пристанище на белой безразмерной майке, в которой я спала.

«Надо приложить замороженное мясо», — многоголосьем зазвучали советы всех бабушек и прабабушек в моей больной голове.

Неплохая в целом мысль, если бы не моя жизнь в этом воплощении, которая была с ней несовместима. В абсолютно пустом холодильнике нашелся только детский йогурт. В ситуации безмерной потерянности единственное, что было ясно, что это не мясо, но лучше, чем ничего. Я схватила йогурт и отправилась искать алкоголь в надежде — хотя я уже много-много лет не пью, — что где-нибудь в недрах барной стойки можно найти что-нибудь покрепче и прижечь рану. Блажен, кто верует! Засунув руку поглубже в шкаф, я вытянула сухумскую водку: когда-то давным-давно, накануне Нового года, несколько ящиков этой водки мне привез водитель одного из клиентов, владельца ликеро-водочного завода в Абхазии, в благодарность за мою помощь ему и его семье. Вот, делай добро — оно обязательно к тебе вернется.

«Дай бог тебе здоровья, дорогой, — думала я, — ты даже не знаешь, как твоя водка теперь спасает меня в обмен на мою помощь когда-то».

Если бы не пять утра и скорое пробуждение детей, я бы точно изменила своей «сухой» вере и пропустила бы лихую стопочку, но материнский долг призвал меня быстрее, чем бессилие от всего происходящего, — пришлось ограничиться водочным компрессом и умыванием льдом.

Кровь не останавливалась, я делалась все бледнее, красный опухший синяк тихо сползал, покрывая собой сантиметр за сантиметром правой стороны лица.

«Ничего, сейчас все замажешь и пойдешь как ни в чем не бывало», — из последних сил успокаивала я себя бодрой, вечно несдающейся частью своей многогранной личности.

«Да уж, „как ни в чем не бывало“ вообще хедлайнер твоей жизни», — парировала ей уже сильно измотанная здоровая часть.

Когда надежда на самостоятельное спасение меня окончательно покинула, я написала близкому другу, пластическому хирургу, всеми любимое сообщение: «Спишь?»

Очевидно, Георгий, как порядочный хирург, ни свет ни заря проснулся на операцию, и в шесть тридцать он мне ответил, что за двадцать лет нашей дружбы я ни разу не была замечена в подобном ночном флирте, а потому — все ли у меня в порядке. Мне точно не хватало слов, чтобы описать, что не так, и сложно было вообще прийти к какому-то ясному мнению по этому поводу, поэтому в шесть тридцать пять в Георгия полетело мое селфи, с той самой злосчастной и одновременно прекрасной консолью на фоне и моим напуганным, травмированным встречей с ней лицом.

«Приезжай срочно! Будем зашивать».

«„Зашивать“? — с ужасом прочитала я. — Зачем зашивать? Разве такие раны зашивают?»

Но уже достаточно насладившись своей самодеятельностью, я решила с Георгием не спорить. Кровь, правда, затихала, старые струйки запекались на лице, и по ним текли новые, уже с меньшей скоростью и силой, но остановить их окончательно не получалось.

«Сейчас детей в школу сдам, проведу один звонок и приеду».

«Сумасшедшая. Жду!» — ответил знающий меня большую часть жизни док.